

Библиография

- Альтшулер М.* Евреи Восточного Кавказа. Иерусалим, 1990. (иврит)
Горские евреи: История, этнография, культура / Сост. и науч. ред. В. Дымшица; Пер. с иврита Ю. Мурадова. Иерусалим; М., 1999.
Давид И. История евреев на Кавказе. Тель-Авив, 1990. Т. I–II.
История горских евреев Северного Кавказа в документах (1829–1917). Нальчик, 1999.
Колесов В., Сень Д. Выборы, элиты, идентичность (случай горских евреев Кубанской области) // Материалы Шестнадцатой ежегодной междисциплинарной конференции по иудаике. М., 2009.
Goluboff S. Are they Jews or Asians? A Cautionary Tale about Mountain Jewish Ethnography // *Slavic Review*. 2004. Vol. 63. No. 1.

Д.Н. Прасолов

ВОЕННАЯ КУЛЬТУРА КАБАРДИНЦЕВ ПОСЛЕ КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

История адыгов представляет собой хронику непрерывной борьбы за выживание и сохранение независимости. Состояние перманентной войны являлось тем неизменным антуражем, на фоне которого протекала история адыгов. Боевые действия против внешних врагов или внутренние междоусобицы удельных владельцев были повседневной реальностью, обыденным явлением. Следствием подобной ситуации стала крайняя военизация адыгской культуры, затронувшая все стороны общественного быта и наложившая неизгладимый отпечаток на общественное сознание. Статус воина был чрезвычайно высок, а военное дело относилось к числу высоко престижных занятий. Особое место в этом милитаризованном социуме занимала военная культура, включавшая в себя комплекс представлений о войне и различные аспекты военного искусства. Наивысшего расцвета и образцового значения военная культура на Северо-Западном и Центральном Кавказе достигла в традиционном кабардинском обществе.

Она не ограничивалась здесь исключительно сферой военного быта. Ее элементы были значимы во всех сферах жизни феодальной Кабарды. Военская слава являлась определяющим фактором традиционного политического лидерства князей и дворян. Пространственная организация поселений в равнинных областях Кабарды, полевых работ и лагерей охраны, сопровождавших табуны и отары в отгонный период, свидетельствовали о постоянной готовности жителей, пахарей и феодальных владельцев к отражению возможного нападения. Специализация ремесла, промыслов и коневодства была ориентирована на удовлетворение потребностей феодальной знати воинским снаряжением и средствами передвижения. Почти все ценности и идеалы господствующего класса сосредоточивались вокруг войн во всех их проявлениях. Система воспитания, особенно в аристократической среде, духовно и физически готовила будущих мужчин к повседневному военному быту. Духовная культура, песни и предания были пронизаны военным духом, и даже народная празднично-обрядовая культура, пародировавшая феодальную иерархию, носила военизированный характер. Этим обуславливалась несколько односторонняя направленность в развитии наиболее ярких форм феодальной культуры кабардинцев, прямо и опосредованно связанных с воинским искусством.

В 1822 г. с учреждением Временного суда в Нальчике завершилось включение Кабарды в административно-политическую систему Российской империи. Часть кабардинцев, не приняв условий интеграции, ушла за Кубань и продолжала участвовать в сопротивлении до завершения Кавказской войны. Военная культура как один из маркеров этнокультурной идентичности кабардинцев утратила социокультурный контекст, в котором она культивировалась в традиционном обществе и который получил наиболее классическое описание в связи с событиями Кавказской войны.

Утрата политической независимости Кабарды в первой четверти XIX в. подорвала основной мотив, во имя которого веками генерировалась военная культура. Крах феодальной системы разрушил блистательную аристократическую субкультуру, являвшуюся основой военной организации и проводником рыцар-

ской идеи. Были ликвидированы институты, прежде воспроизводившие военную традицию — аталычество и наездничество. В условиях деформации рыцарской идеи, некогда облагораживавшей силовые акции дворянства, наездничество постепенно вырождалось в примитивные грабежи и конокрадство, осуществляемые организованными преступными группами, порой многонационального состава.

В данной ситуации для подавляющего большинства адыгов сфера бытования традиционной военной культуры постепенно переместилась из прикладной в идеологическую плоскость. Она сохранялась в передаваемых по наследству коллекциях военных аксессуаров, отчасти в декоративных элементах национальной мужской одежды, фольклорных интерпретациях и воспоминаниях о славном прошлом адыгского рыцарства.

В региональной литературе сложилось мнение, что с покорением кабардинцев основные компоненты их соционормативной культуры были деформированы и утратили возможность к регенерации. Между тем, сохранив многие специфические черты, военная культура постепенно вписывалась в общероссийский военно-культурный контекст. Событийным проявлением этого стало участие кабардинцев в составе отдельных национальных частей в важнейших войнах России второй половины XIX — начала XX в.: Крымской, русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг. и Первой мировой. Этнокультурное содержание процессов трансформации военной культуры можно обозначить следующими тенденциями.

В картине мира кабардинцев меняется географическая локализация войны. Ситуация, когда их мирный быт протекал в контексте регулярных военных угроз, уходит в прошлое. Военная повседневность все больше дистанцируется от территории Кабарды, оставляя более четкие границы с мирным бытом. Если в традиционном виде она представлялась как некая совокупность угроз, располагавшихся непосредственно у порога жизненного пространства, то теперь она происходила где-то вне видимости кабардинцев, исчезая за пределами обозримого географического горизонта на Балканах, в Закавказье, Маньчжурии, Галиции и т.п. «Их война», мотивированная необходимостью

стью защиты своей малой родины, прекратилась. Она заменилась войной российского государства, давшего новые мотивы воспроизводства военной культуры в состоянии, не противоречащем традиционным представлениям.

С завершением активной фазы Кавказской войны на территории Кабарды воинский авторитет, бывший неотъемлемой частью социального статуса, растворился среди второстепенных мотивов общественного признания. Тем не менее военная служба по-прежнему относилась к занятиям преимущественно привилегированных сословий — князей (*ниши*) и дворян (*юрк*). Кабардинский дворянин перестает быть воином в привычном представлении предшествующих поколений, реализуя наиболее престижные в его этнокультурной среде амбиции на службе в российской армии или в местных правоохранительных органах. Вместе с тем офицеры, возвращавшиеся с театра военных действий, становились носителями новых привычек, нередко с трудом встраивались в остававшийся преимущественно традиционным социокультурный мир кабардинской деревни, чувствуя себя более комфортно в северокавказских городах.

Представители привилегированных сословий, прошедшие военную службу, становились кадровым ресурсом при комплектовании местной администрации и интеграции выходцев из коренного населения в систему управления Российской империи на Северном Кавказе. В частности первым кабардинцем — начальником Нальчикского округа — в 1910 г. становится подполковник Султанбек Клишбиев, исполнявший свои обязанности до 1918 г.

В прошлом осталась и культура войны аристократической Кабарды, так ярко проявившаяся в сопротивлении российскому завоеванию Северного Кавказа. Наездничество как основа традиционной военной тактики без возможности регулярного применения фактически прекратила функционирование. Его идеологические представления переходят в плоскость культурной памяти кабардинцев.

Военная культура кабардинцев усваивала российские идеологические и институциональные армейские принципы и атрибуты (долг, присяга, субординация, полковые муллы). Высокую

престижность приобретали новые маркеры воинских достижений, выраженные в офицерских званиях, наградах и т.п. Причем воинские отличия из сугубо индивидуальных приобретали новые коллективистские масштабы. Например, знамя, подаренное кабардинцам Николаем I в 1844 г., сопровождало их в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Культура черкесского рыцарства в допустимых формах органично интегрировалась с убеждениями русского офицерства, что сыграло драматическую роль в годы Гражданской войны, когда большинство кабардинцев — офицеров царской армии — не приняли большевистскую власть.

Л.О. Тутаева

ИСКУССТВЕННЫЕ ФОРМЫ РОДСТВА В ИНГУШСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Искусственными формами родства в ингушском обществе с древнейших времен были куначество, побратимство, усыновление, аталычество и др.

Институт куначества тесно связан с обычаем гостеприимства и побратимства. Куначеские отношения обычно устанавливались с первых взаимных симпатий между хозяином дома и гостем, дружба связывала их нерушимыми узами, по смыслу напоминающими кровнородственные. Нередко куначество закреплялось установлением брачных связей между членами их семей. В этом его отличие, к примеру, от института побратимства, где брачные отношения были под запретом.

Как правило, отношения куначества устанавливались с иноплеменниками, что безусловно способствовало установлению межэтнических контактов и в целом мира и спокойствия.

Побратимство считалось союзом более тесным, чем дружба при куначестве. Отношения эти подчас были выше кровнородственных и переходили по наследству.